

РОКОВЫЕ ПОДАРКИ СУДЬБЫ

КОМПЛЕКТ ИЗ 3 КНИГ

Людмила Мартова
Антон Чиж
Татьяна Витальевна Устинова
Роковые подарки судьбы.
Комплект из 3 книг
Серия «Исторические
детективы Антона Чижа»
Серия «Родион Ванзаров»
Серия «Машина страха»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73983882
ISBN 978-5-04-244475-3

Аннотация

Комплект из 3 книг – платите меньше, читайте больше!
В состав входят: Роковой подарок, Лабиринт Ванзарова,
Роковое завещание.

Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности.
«Роковой подарок».

Новый остросюжетный роман прославленной звезды
русского детектива Татьяны Устиновой «Роковой подарок»

написан в фирменной легкой и хорошо узнаваемой манере: закрученная интрига, интеллигентный юмор, достоверные бытовые детали и запоминающиеся персонажи. Как всегда, роман полон семейных тайн и интриг, есть в нем место и проникновенной любовной истории.

Знаменитая писательница Марина Покровская – в миру Маня Поливанова – совсем приуныла. Алекс Шан-Гирей, любовь всей её жизни, ведёт себя странно, да и работа не ладится. Чтобы немного собраться с мыслями, Маня уезжает в город Беловодск и становится свидетелем преступления. Прямо у неё на глазах застрелен местный деловой человек, состоятельный, умный, хваткий, верный муж и добрый отец, одним словом, идеальный мужчина.

Маня начинает расследование, и оказывается, что жизнь Максима – так зовут убитого – на самом деле была вовсе не такой уж идеальной!.. Писательница и сам не рада, что ввязалась в такое опасное и неоднозначное предприятие...

«Лабиринт Ванзарова».

Конец 1898 года. Петербург взбудоражен: машина страха погибла, нужно новое изобретение, выходящее за границы науки. Причина слишком важна: у трона нет наследника. Как знать, возможно, новый аппарат пригодится императорскому двору. За машиной правды начинается охота, в ходе которой гибнет жена изобретателя... Родион Ванзаров единственный из сыска, кому по плечу распутать изощренную загадку, но сможет ли он в этот раз выдержать воздействие тайных сил и раскрыть замысел опасных преступников?

Антон Чиж – популярный российский писатель детективов. Его книги изданы общим тиражом более миллиона экземпляров.

По остросюжетным романам Антона Чижга были сняты сериалы «Агата и сыск. Королева брильянтов» и «Агата и сыск. Рулетка Судьбы». Писатель в 20 романах создал, пожалуй, самых любимых читателями героев исторических детективов: Родиона Ванзарова и Аполлона Лебедева, Алексея Пушкина и Агату Керн. Острый, динамичный, непредсказуемый сюжет романов разворачивается в декорациях России XIX века. Интрига держит в напряжении до последней страницы. Кроме захватывающего развлечения, современный читатель находит в этих детективах ответы на вопросы, которые волнуют сегодня.

«Роковое завещание».

Спустя двадцать лет после смерти деда Александра Гордеева бывшая жена старика подала иск, претендуя на его дом: якобы он был отписан ей по завещанию. Адвокат Гордеева Евгения Волина отправляется поговорить с истицей и обнаруживает ту убитой! А рядом с телом лежит золотая монета – талисман, с которым не расстанется Александр. Выходит, ее клиент – убийца? И, к несчастью, невероятно привлекательный мужчина, который очень нравится Евгении...

Людмила Мартова – мастер увлекательной детективной мелодрамы, автор захватывающих остросюжетных историй. Их отличают закрученная интрига, лихой финал с неожиданной развязкой и, конечно же, яркая любовная линия. Героини романов Людмилы Мартовой – современные молодые женщины, которые точно знают, чего хотят от жизни.

*Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

Содержание

Татьяна Устинова

6

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Татьяна Устинова, Антон Чиж, Людмила Мартова Роковые подарки судьбы. Комплект из 3 книг

**Татьяна Устинова
Роковой подарок**

© Устинова Т. В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Знаменитая писательница Марина Покровская – в миру Мария Алексеевна Поливанова – стояла посреди комнаты, оглядывалась по сторонам, подслеповато шурилась и часто моргала.

– Что такое? – пробормотала она наконец. – Почему ничего не видно, ты не знаешь?

Вопрос был адресован небольшой белой собаке. Порода называлась «мини-бультерьер», очень напоминала свинью, и писательнице Поливановой нравилось это сходство.

Пес задрал остроухую башку и пристально посмотрел на хозяйку.

– Ах, да! – спохватилась Маня, то есть Мария Алексеевна Поливанова, нашарила в коротких волосах скособоченные очки и водрузила на нос.

– Теперь видно, – удовлетворённо сообщила она бульте-
рьеру.

Комната показалось ей огромной, и было полутемно – жалюзи на окнах опущены, из тонких щелей длинными стрелами бьёт солнце, в лучах танцуют редкие пылинки. Стены до потолка увешаны картинами в золотых и серебряных рамах, вдоль стен витрины.

Маня подошла к стене, посмотрела и хмыкнула в изумлении.

Картины оказались... иконами.

Огромная комната была сплошь завешана иконами. Лики на всех иконах одинаковые – Серафим Саровский.

Маня нагнулась над витриной: внутри были разложены нательные и настольные иконы, кресты с эмалевыми вставками, панагии – всё во славу Батюшки Серафима.

Маня двинулась вдоль витрин, пёс настороженно последовал за ней.

Вдруг в комнате зажёгся свет, и тяжёлый голос произнёс отчётливо:

– Добрый день.

Она оглянулась, почему-то перепугавшись.

– Я Максим Андреевич, – продолжал человек как будто с досадой и двинулся к ней. – А вы, оказывается, молодая, в

телевизоре выглядите старше.

– В телевизоре все выглядят старше и толще, – пробормотала Маня. – За это я отдельно его люблю.

Он подошёл, протянул руку, она пожала.

– Здесь только часть коллекции. – Максим Андреевич обвёл глазами стены. – На самом деле я собрал гораздо больше списков.

– Зачем? – выпалила Маня. – Зачем вы их собрали столько?

И тут же выругала себя: человек совсем посторонний, а она так бестактна!

Но он засмеялся.

– Вы хотите и обо мне написать роман?

Маня пожала плечами.

...Почему-то все думают, что она, писательница Покровская, хочет написать о них роман! Водители, продавцы, пилоты самолётов, случайные попутчики в поездах, стоматолог, у которого Маня просидела в кресле полтора часа, до отказа разинув рот, а стоматолог всё это время ковырялся у неё в зубах и безостановочно говорил о своей судьбине.

Как правило, это звучало так: «Сейчас я расскажу вам свою историю, вам обязательно пригодится для романа!»

– Вообще-то, – сказала Маня, рассматривая хозяина, – я собираюсь писать роман о пропавшей иконе. Ну, вот есть знаменитая история о том, как в тысяча девятьсот четвёртом году какие-то прохиндеи украли Казанскую Божью Матерь,

и ведь до сих пор не нашли!

Максим Андреевич посмотрел на неё с интересом.

– Это правда знаменитая история! – протянул он. – Вот об этом бы и написали.

...Почему-то все думают, что лучше неё, Мани, знают, о чем ей писать! Знает издатель Анна Иосифовна: «Манечка, голубчик, напиши о краже картины из музея, главное, побыстрее, к четвёртому уложишься?» Знает редактор Катька Митрофанова: «Мань, послушай, что я тебе скажу. Напиши о том, как обманывают дольщиков, нас с Володькой почти надули!!» Знает Александр Шан-Гирей, мужчина Маниной жизни и на самом деле великий прозаик: «Маня, брось ты свои детективы, напиши уже что-нибудь приличное, ты сможешь!»

И этот дядька тоже знает, оказывается!

– Я бы написала о Казанской, – сказала Маня наконец, – да боюсь, не потяну, там столько архивных материалов и всяких версий! Я для начала хочу о чём-то... менее известном. Вы ведь всё знаете об иконах Серафима Саровского, ну, по крайней мере, мне о вас именно так рассказывали! Была какая-то загадочная история с его прижизненным списком, да?

Вместо ответа Максим Андреевич спросил:

– Хотите посмотреть? Вот здесь иконы начала двадцатого века, а дальше по возрастающей, всё ближе к нашему времени. Я расскажу.

Маня ждала захватывающей истории о чудесах, но Мак-

сим Андреевич говорил как-то на редкость скучно и всё больше о том, в какой мастерской был написан тот или иной лик, где изготовлен оклад, а где краски.

Они продвигались вдоль стены очень медленно. У Мани устали ноги, и время от времени она украдкой зевала, не разжимая челюстей. Во время одного такого зевка у неё пискнуло в горле, и она с испугом посмотрела на рассказчика: вдруг заметит?...

Но он ничего не замечал, всё говорил и говорил.

Манин приятель Рома Сорокалетов уверял, что его партнёр по бизнесу, вот этот самый Максим Андреевич, знает о Серафиме Саровском и его изображениях всё, но Маня и предположить не могла, что это самое «всё» обернётся таким занудством!

Зря она попросила Рому их познакомить, ничего из этого дела не выйдет, придётся искать какие-то другие источники.

Хотя!..

Может, если его разговорить, он что-нибудь интересное расскажет?...

Манин бультерьер Волька, утомившись, брякнулся на бок с гулким звуком, как пустая бочка.

– Вам неинтересно?

– Ну что вы! – фальшиво вскричала Маня. – Страшно интересно! Мне просто немного трудно стоять, я на той неделе с велосипеда упала, нога болит...

– Тогда, может быть, присядем?

Маня с восторгом согласилась присесть.

Максим Андреевич повёл её по просторным залам, обставленным словно музейные – экспозиция «Жизнь и быт дворянской усадьбы на рубеже веков», – мимо лестниц красного дерева, картин и ваз с сухими цветами, и вдруг они оказались на улице!.. Солнце ударило в глаза, Маня прищурилась, а Волька принялся изо всех сил крутить обрубок хвоста – им сразу стало весело, будто их со скучного урока отпустили!..

Пологие ступени вели прямо в сад, видимо задуманный и воплощённый как регулярный парк, – дорожки, засыпанные розовым гравием, ровно, словно по линейке подстриженные кусты, липы с идеально круглыми кронами, купы пионов и ещё каких-то роскошных цветов, названия которых Маня не знала.

...Неужели есть люди, которые так живут? Во всей этой красоте?

Маня покосилась на Максима Андреевича, шагавшего рядом. Каждый день он приезжает сюда с работы – это же его дом! Идёт по дорожкам, поднимается до лестниц морёного дуба, смотрит на воду – вдалеке между деревьями сверкала река, – привычно ничего этого не замечая!

– Как красиво, – сказала она с чувством. – Вот просто восторг!

Максим Андреевич улыбнулся.

– Садам жена занимается. Я в цветах ничего не понимаю.

Ромка Сорокалетов говорил, конечно, что его компаньон и сотоварищ – человек не бедный, но чтоб вот так!..

Маня вздохнула и подумала с некоторым сарказмом, что хорошо бы на даче водосточную трубу переложить, а то из неё льёт прямо под фундамент.

И никакого регулярного парка!..

Мужа, и того нету!

А как бы хорошо и красиво говорить: «Садом муж занимается, я в цветах ничего не понимаю! Я больше по водосточным трубам!»

Маня фыркнула, мысль про трубы её развеселила.

– Присаживайтесь.

Посреди лужайки в пятнистой весёлой тени стояли плетённые кресла, деревянный стол, качалка, садовый диван – всё добротное, ладное, ухоженное.

Маня плюхнулась на диван и глубоко вздохнула от счастья.

– Хотите чаю? Или, может быть, шампанского?

Маня с удовольствием выпила бы глоток ледяного шампанского, но признаться в этом постеснялась и согласилась на чай.

Максим Андреевич ушёл в дом, а она порассматривала липы, понюхала кисть сирени, качавшуюся у неё за головой, закатила глаза и стала совать сирень Вольке, чтоб тот тоже понюхал. Волька сунул нос в кисть, нюхнул и, как показалось Мане, поморщился.

Вернулся Максим Андреевич с подносом.

– Я сегодня один, – объяснил он. – Женя, моя жена, ещё не вернулась, а домоправительницу я отпустил.

Мане понравилось, что он сказал «домоправительница», а не «прислуга» или «домработница»! Она как-то сразу к нему расположилась. Барин, а чай сам принёс, так трогательно!

Хозяин подал ей чашку, а перед Волькой поставил пиалу с водой – тут Маня окончательно его полюбила.

Не станет она искать никаких других источников, этот вполне подходящий, только рассказывать не умеет, но в принципе мало кто умеет рассказывать!

– Ну, а вы? – спросил Максим Андреевич, когда Маня сделала первый глоток превосходного чаю. – Как оказались в нашей глуши?

– Ничего себе глушь! – удивилась Маня. – Беловодск – большой город!

– И всё же совсем не Москва. – Максим улыбнулся. – И потом, Рома мне говорил, вы в деревне живёте.

– Да-а-а, в заповеднике. – Маня махнула рукой, словно показывая, что где-то там, в стороне, есть заповедник. – Я приехала роман писать. Не могу в Москве. Меня всё время куда-то тянет, надо не надо!.. То на съёмку, то на радио, то вдруг в Пушкинском Египетский зал открыли после реставрации! И я совершенно не могу сосредоточиться.

– Не представляю вашей работы. Я бы не смог. Часами сидеть и писать. Сдохнуть можно.

– Не, не, не, – энергично возразила Маня и ещё глотнула чаю, очень вкусного, – нельзя сдохнуть. Это страшно интересно – сидеть и писать. Понимаете, я в любую минуту могу оказаться где угодно! Вот мне захочется на яхту – бац, и я уже на яхте! И вода плещется, и палуба качается, и мачта скрипит, и солнце слепит. А потом вдруг мне захотелось на бал – раз, готово дело: люстра отражается в паркете, бриллианты сверкают, оркестр играет, а в соседней зале накрывается стол и снуют лакеи!

Максим засмеялся.

– Мне все говорят, – продолжала Маня, вдохновившись, – чтоб я бросила детективы и стала бы писать концептуальную прозу. Но там же ничего нельзя! Вообще ничего! Там есть законы, каноны, там должно быть всё только настоящее и подлинное! А мне хочется... придумывать! Это же самое интересное!

– Вот это я, наверное, понимаю, – сказал Максим с уважением, – мне нравятся люди, способные придумывать. А вы в заповеднике дом купили?

– Я живу в доме моей подруги Марины. У неё в Москве на Тверской огромный книжный магазин, знаменитый. И дача под Звенигородом, а сюда она почти не приезжает. Вот и пустила меня пожить.

– Я думал, знаменитости вроде вас живут в Питере на Дворцовой набережной, а отдыхать ездят в особняк в Сочи!..

– Тётя оставила мне квартиру в Питере, – призналась Ма-

ня, – только, конечно, не на Дворцовой, а на Мойке. А особняк у меня нету нигде, Максим Андреевич, ни в Сочи, ни в Москве.

– Почему вы хотите написать детектив об иконе? Странно, на самом деле!

– Но не писать же постоянно о том, как жена ужокошила мужа, чтоб получить наследство, или племянник отравил дядю, чтобы въехать в его квартиру!

– А у вас есть детективы про жену и племянника?

– Нет, – честно сказала Маня, и Максим засмеялся.

– Пойдёмте к реке, – предложил он, когда Маня поставила чашку. – Там есть где посидеть, я помню про велосипед и вашу ногу.

Максим нравился писательнице Поливановой всё больше и больше!

– С той стороны у нас лес, – показывал он, пока они медленно шли по дорожке, выложенной розовым кирпичом, как в сказке. – Там есть калитка, можно выйти, и сразу начинается бор – сосны, черника. А за деревьями пристань, небольшая, правда, но пара катеров помещается. Я каждый вечер хожу к реке, и зимой и летом. Мне нравится.

– Да у вас тут вообще рай, – искренне сказала Маня. – Красота!

– Здесь был непролазный бурелом. Мы год только лес чистили, он был заброшен, гнил. Но ничего, расчистили.

– А почему вы не в Москве живете? – Маня посмотрела на

него. – Все деловые и оборотистые должны жить в Москве. Ну, как знаменитые в Сочи!..

– В Москве скучно очень, – ответил Максим, и это было неожиданно. – И бестолково. Вся жизнь – пробки и скачки из одного места в другое. Машину не поставить, толпы, люди.

– Ну, на Остоженке всё хорошо, – заметила Маня. – Никаких особенных толп, машины все по дворам, за шлагбаумами.

– Так на Остоженке живут как у нас в Беловодске. – Максим пожал плечами. – Далеко от дома не уезжают, всех соседей и рестораны знают, по чужим местам не ходят.

Маня засмеялась:

– Я никогда об этом так не думала. А вы, должно быть, правы, Максим Андреевич!

Деревья потихоньку расступались, река сверкала всё ближе. Боковым зрением Маня заметила, что слева, у кромки леса кусты качаются из стороны в сторону, словно через них пробирается медведь.

– У вас на усадьбе медведи водятся?...

– Что? Какие медведи, где?

Максим приставил ладонь козырьком к глазам: солнце слепило – посмотрел и широким шагом двинул к лесу.

– Кто там ходит? – зычным голосом спросил он. – Паша, это ты, что ли?...

Волька вдруг зарычал, кинулся было в высокую траву, вернулся и заметался.

– Что такое? – изумилась Маня. – Что за пляски?

Со стороны кустов раздались подряд два негромких сухих хлопка. Волька рванулся и нырнул в траву, Маня за ним. Какой-то человек убежал в лес, собака никак не могла его догнать, мешала высокая густая трава.

– Стой, стой! – кричала Маня то ли убежавшему, то ли своей собаке.

Наконец она выдохлась и остановилась. Из леса донёсся сдавленный вскрик и затрещали ветки.

– Волька, ко мне! Ко мне! Что за безобразие!

И тут Маня увидела Максима. Он почему-то ничком лежал в траве, раскинув руки.

– Максим Андреевич, зачем вы легли?! Вы что, упали?! Вам плохо?!

И как-то в одну секунду Маня вдруг поняла: *зачем*.

У неё потемнело в глазах, стало трудно дышать, и ноги сделались ватными. Она взялась рукой за какой-то куст.

«То берёза, то рябина, – пропел кто-то у неё в голове, – куст ракиты над рекой»¹.

– Максим, – жалобно позвала Маня. – Вставай.

Она наклонилась над ним – в спине, прямо посередине, были два аккуратных отверстия, вокруг них белая рубашка потихоньку становилась красной.

– На помощь, – очень тихо проговорила Маня. – Кто-нибудь, помогите!..

¹ Строчка из песни А. Пришельца «Наш край».

– Нет, я не понял, зачем вы его застрелили.

Маня, усталая и несчастная, наклонилась вперёд, задрала на лоб очки и потёрла глаза.

– Я никого не убивала, – в десятый раз повторила она с отчаянием. До этого она плакала, потом сердилась, а теперь пришла в отчаяние. – Вы что, не слышите меня?

– Нет, это вы меня не слышите, Мария Алексеевна, – с нажимом сказал молодой оперативник. – Мой вам совет – признайтесь сразу, вам же лучше! Сотрудничество со следствием всегда только на пользу! Мы ведь вас всё равно посадим, вы должны понимать.

– Господи, – пробормотала Маня. – Да что ж это такое?

«...То берёза, то рябина, куст ракиты над рекой...»

– Рассказывайте, рассказывайте, – дружелюбно предложил оперативник, и Маня поморщилась от явной фальши, которая слышалась в его голосе. – В каких отношениях вы состояли с потерпевшим? Вы ему кто? Близкая подруга? Или просто знакомая?

Они сидели в одной из комнат роскошного дома, который только что потерял хозяина, – Мане казалось, что сидели целую вечность, а разговор не двигался с места, крутился, как воронка, засасывая до головной боли.

– Я не подруга и не знакомая, – забубнила Маня в одиннадцатый раз. – Я дружу с Романом Сорокалетовым, а он дру-

жит с... Максимом Андреевичем, они партнёры по работе. Я собиралась писать роман об иконе Серафима Саровского, и Ромка, то есть, Роман Сорокалетов, сказал, что Максим как раз увлекается такими иконами и всё о них знает. Ну, они договорились, я приехала, Максим Андреевич показал мне свою коллекцию, а потом...

– На чем?

Маня не поняла:

– Что – на чем?

– На чем приехали?

– А, на такси, я говорила уже.

– Почему вы его отпустили?

– Кого?

Оперативник посмотрела на неё с отвращением:

– Таксиста, кого! Как вы собирались возвращаться, здесь не центр города!

– Понятия не имею, – честно призналась Маня. – Я об этом не думала.

– Всё наоборот, вы подумали! Вы застрелили хозяина и собирались скрыться через лес. Такси вам только помешало бы.

– А зачем я тогда вас вызвала? – устало спросила Маня.

Оперативник немного подумал:

– Нервишки, видать, сдали. Дамские у вас нервишки, вот и сдали. Ну? Будем признаваться или будем следствию голову морочить? Где орудие убийства?! – вдруг рявкнул он,

поднялся и навис над Маней. Маня отшатнулась. – Куда вы его дели, ну?!

Волька у неё в ногах весь напрягся, зашёлся лаем и стал бросаться.

– Уберите собаку, а то пристрелю!

– Волька, нельзя! Ко мне!

Пёс оглянулся на хозяйку – глаза у него были налиты кровью, а хищная пасть скалилась, – всё же совладал с собой, отошёл и сел рядом. Короткая шерсть на загривке дыбилась.

– Мы ведь найдём ствол-то, – продолжал оперативник как ни в чем не бывало. – Вы его, небось, в кусты кинули? Или в реку?

– Я никого не убивала, и пистолета у меня нет и не было.

– Значит, будем продолжать голову морочить. Так и запишем. Откуда вы знали, что в доме никого не будет? Когда готовили преступление? Кто вам сказал?

Маня опять потёрла глаза.

– Я в этом доме в первый раз в жизни. С хозяином познакомилась только сегодня. О том, что в доме никого, кроме нас, не будет, я не знала и знать не могла.

– Да ведь всё это легко проверяется, – сообщил оперативник.

– Ну, так проверяйте!

– Да это лишняя работа! Вот вы подумайте сами, выгодно вам лишние задачи нам задавать или выгодней содействовать.

– Да в чем содействовать-то?!

– Признались бы давно, и поехали в камеру.

– Я не хочу в камеру! – завопила Маня. – Я никого не убивала! Вдоль опушки кто-то шёл, я подумала – медведь! Максим посмотрел и пошёл туда, он ещё какое-то имя назвал. Спросил, это ты? Моя собака кого-то погнала, я побежала за собакой, а потом два раза хрустнуло. Или сначала хрустнуло, а потом собака бросилась в лес, я не помню точно! Я подошла, а он лежит ничком, и руки раскинуты!.. Я его позвала, но сразу поняла, что он мёртвый. И я позвонила вам! Вы приехали и накинулись на меня!

– Разве ж я накинулся, – добрым голосом сказал оперативник, – когда я накинусь, вам мало не покажется, дамочка!.. Пожалеете, что на свет родились. Мне ведь вас уговаривать некогда, мне раскрытие нужно, а тут и раскрывать нечего, всё ясно.

– Зачем мне его убивать?

– Да почём я знаю. Вот обыщут вас в отделении, может, найдут всяко, золотишко, камушки. Дом-то богатый! Мало ли чего вам захотелось, чего у вас нет, а тут есть. Прихватили хозяина убили, чтоб шум не поднял, но тут нервы сдали вы и позвонили в полицию! Между прочим, звонок вам зачтётся. И добровольное признание тоже, вы головой-то подумайте, что вам выгодней!..

«...То берёза, то рябина, куст ракиты над рекой...»

Бедный Максим!.. Должно быть, утром, собираясь на работу, он и подумать не мог, что к вечеру его не будет в живых. Всё останется – и дом, и сад, и река, – а его не будет...

– А жена? – вдруг спросила Маня своего врага-оперативника. – Вы ей позвонили? Максим сказал, что она ещё не вернулась, и сам чай готовил.

– Мы без вас разберёмся, кому звонить, кому не звонить, вы не указываете.

– Я не указываю, – пробормотала Маня и вдруг заплакала: так стало жалко Максима и его жену, незнакомую ей.

...Всё кончилось, всё потеряло смысл. Липы, цветы, картины. С этого прекрасного, солнечного, тёплого вечера вся жизнь семьи, дома, ближних и дальних пойдёт по-другому.

– Что же делать, – постояла Маня, раскачиваясь из стороны в сторону, – что делать...

– Признаваться, – сухо посоветовал оперативник, косясь на неё брезгливо. – Сейчас следователь приедет, а у нас уж всё готово. Труп есть, убийца по ходу есть, как в аптеке.

– Я никого не убивала.

– Снова здорово, – удивился оперативник, – вы ж почти признались! – И передразнил: – Что делать, что делать!..

Дверь распахнулась, в комнату хлынул свет, Маня зажмурилась.

– Ну, чего тут у вас?

– Всё тип-топ, – бодро и с облегчением сказал оператив-

ник, – здравия желаю, товарищ майор. Труп видели? Огнестрел! А дамочка упирается, говорит, не убивала, хотя по ходу она и убила.

Маня вытерла слезящиеся глаза и посмотрела. Напротив неё на стул основательно усаживался человек, совсем молодой и очень лохматый. Он был в джинсах, мятой футболке и никчёмушной куртёшке.

...Следователь? Товарищ майор?

– Раневский, – представился лохматый, – Дмитрий Львович. Следователь из следственного комитета. А вы?

– Там всё написано, – сунулся оперативник.

– Мария Поливанова, – выговорила Маня, – писательница из Москвы.

– Как – писательница? – удивился следователь.

– Да враньё сплошное, товарищ майор, – опять сунулся оперативник. – Хотя паспортные данные...

– Для себя пишете? – перебил Раневский. – В стол?

– Да не в стол, – Маня шумно выдохнула, – а в издательство! Ну вот же!..

В высоком и узком книжном шкафу плотно стояли книги – насколько Маня успела заметить, книги в этом доме были в каждой комнате, – и свои они отличала моментально, несмотря на плохое зрение.

Она поднялась, подошла к шкафу – оперативник и следователь наблюдали с интересом – и вытащила книгу.

– Вот! Я в прошлом году написала, – и сунула следовате-

лю.

Тот недоверчиво взял и повертел в руках.

– Марина Покровская, – пробормотал он, – фамилия знаменитая, и фотография вроде ваша...

– Ну, не ваша же! Марина Покровская – псевдоним!

– Выходит дело, с потерпевшим вы давно знакомы, – торжественно начал оперативник, – раз у него ваши книжки имеются!

– Они продаются в магазинах.

– Да ну?! И кто ж их покупает?!

– Люди, – буркнула Маня. – Вы не поверите. Есть люди, которые любят читать.

– Дамочка, не морочьте нам голову!..

– Погоди, погоди, – перебил следователь Раневский. – Что вы делали в этом доме? С хозяином хорошо знакомы?

Маня завела свою историю в тринадцатый раз. Волька хмурился возле её ноги: ему здесь не нравилось и хотелось домой, в деревню, где они так славно жили с хозяйкой.

– Понятно, – непонятно сказал следователь Раневский, когда Маня добубнила и повернулся к оперативнику. – Из домочадцев нашли кого-нибудь? Жена, дети где?

– Пока нет, товарищ майор.

– Этого Сорокалетова, который их свёл, разыскали?

– Никак нет, товарищ майор.

– Заросли осмотрели, куда собака пришельца погнала?

– Товарищ майор...

– Так чего стоим-то? – неприятным голосом сказал Раневский. – Кого ждем? Вперёд! А мы с вами, Мария Алексеевна, пройдемся до места, и вы мне всё покажете, как было. Справитесь?

Маня кивнула.

Они вышли в сад, купавшийся в вечернем солнечном океане. На садовом столе среди лип и сиреней так и был накрыт чай.

– Вот здесь мы сидели и разговаривали. Мы сначала осматривали коллекцию старинных икон, я устала, у меня нога болит. С велосипеда упала, – зачем-то добавила Маня. – И вышли посидеть. Потом Максим сказал, пойдёмте к реке, там тоже есть где посидеть. И мы пошли.

– Вот по этой дорожке?

– Ну да. Максим рассказывал, что здесь был бурелом, спрашивал, почему я в Беловодске живу, а не в Сочи.

– И почему?

– Господи, да не хочу я в Сочи! А здесь в заповеднике у моей подруги прекрасный дом, она мне разрешила в нём пожить. Мне работать надо, а в Москве не получается.

– Да, – сказал следователь Раневский. – Работа у вас... своеобразная. Неужели правда кто-то до сих пор книжки читает?

Маня оскорбилась.

– Представьте себе! И многие! Лучше книг ничего не может быть на свете! Если у вас есть еда и книги – значит,

жизнь есть!..

Они прошли ещё немного.

– Вот здесь мне показалось, что в кустах кто-то сидит, и я спросила, не водятся ли здесь медведи. Максим пошёл посмотреть и даже крикнул что-то, какое-то имя, я забыла. Вроде: «Саша, это ты?»

– Именно Саша?

– Я не помню точно!

– Придётся вспомнить.

– Ну вот, он пошёл, а Волька стал рычать и кидаться, а потом побежал, и я за ним.

– Здесь?

Маня кивнула, и Раневский полез в траву.

– Вот там он лежал, где примято, видите? А в ту сторону кто-то убежал, Волька его напугал. По-моему, даже укусил, я слышала вскрик. А может, и не укусил, а просто прогнал.

Следователь обошёл место, где Маня нашла Максима, и углубился в лес. За деревьями его почти не было видно.

Маня задрала голову. Деревья качались в вышине, и небо было голубое и золотое, вечернее.

Очень хотелось домой, лечь и поплакать как следует.

– Вы меня видите, Мария Алексеевна? – позвал издали Раневский.

– Нет, – встрепенулась Маня. – Но я в принципе плохо вижу!

Затрещали ветки, закачались кусты, и следователь пока-

зался из леса.

– Ну, я нашёл место, откуда стреляли, – заговорил он на ходу. – Там дерево такое... с развилкой, можно локти удобно поставить, чтоб прицелиться как следует. И трава везде приотптана сильно. Так что поджидали вас, Мария Алексеевна.

Маня посмотрела на него.

– Пистолет нужно ещё поискать, вряд ли стрелок его с собой забрал. Вы не знаете, враги у потерпевшего были?

– Я его сегодня увидела в первый раз в жизни.

– А с женой у него какие отношения?

– Послушайте, – с сердцем сказала Маня, – я вас не обманываю! Спросите Рому Сорокалетова, он вам скажет! Максим Андреевич – его приятель и партнёр по бизнесу! Когда я Роме сказала, что хочу написать про похищение иконы, он мне сразу предложил съездить к этому Максиму как к величайшему знатоку!.. Так и было! Ну, правда!

– Я верю, верю.

– А этот ваш... поделник не верил, – наябедничала Маня. – Ну тот, второй. Он всё меня заставлял чистосердечно признаться!

– Ну, признались бы, нам работы меньше, – отмахнулся Раневский.

– Да ведь я никого!..

– Я понял, понял! Значит, из города не уезжайте, когда понадобится, вызовем, просьба явиться. Где этот ваш дом?

– На территории заповедника, деревня Щеглово, дом

тридцать девять.

– Это за первым постом или за вторым?

– За вторым.

– А кто вам пропуска выписывает?

– Хозяйка, моя подруга Марина. Это же её дом!..

– К вам туда и не проедешь, – проговорил следователь задумчиво. – Всякий раз нужно пропуск выписывать.

– У меня постоянный.

И вдруг он попросил, нет, даже велел:

– Покажите.

– Сумка на диване осталась, где мы чай пили, – припомнила Маня. – Пойдёмте!

Напрямик через ухоженный газон они подошли дивану, и Маня достала пропуск. Следователь повертел его в руках и вернул.

И спросил неожиданно:

– Автограф дадите?

– У меня с собой книжки нет, – растерялась Маня.

– Ничего, в другой раз. Мы же с вами не навсегда расстанемся!

Всё это было... странно, двусмысленно, и она так и не поняла до конца, верит он ей или нет.

– А как вы собирались обратно добираться?

– Я об этом не подумала, вот, совсем!.. Вызову такси, когда-нибудь же оно приедет!

– Такси на территорию заповедника не пускают.

– Господи, я езжу до первого поста, а там меня местные подвозят! Есть такой дядя Николай! Он всех безлошадных от поста забирает и везёт куда кому надо.

– Странно, что вы из Москвы уехали в нашу глухомань, – сказал следователь задумчиво. – Вы же... знаменитость вроде! И в деревне поселились.

– Я не навсегда, как вы выражаетесь.

– Да и на время – странно. Скучно, небось, одной-то.

– Ко мне подруга должна приехать. У неё в школе каникулы начнутся, и она приедет.

– Подруга, – повторил следователь. – Значит, до кордона я вас на служебной отправлю, а там вы этого своего дядю вызовете.

– Да не нужно, спасибо.

– Нужно, нужно, – заключил Раневский, и Мане показалось, он хочет убедиться, что она не врёт насчёт заповедника.

К дому номер тридцать девять в деревне Щеглово Маня добралась, когда уже совсем вечерело. В летнем платье было холодно – никакой куртки она не захватила, потому что была уверена: отправляется из дома ненадолго.

...Никто, уходя из дома, по-настоящему не знает, когда вернётся и вернётся ли!

Почему люди об этом не думают?...

Волька, обнаружив родной забор, до того обрадовался,

что стал подскакивать, как бочка, на всех четырех лапах. Он поскакал, потом принялся нюхать траву и орошать кустики, а потом опять скакать.

– Пойдём ужинать, – позвала Маня. – Для тебя у меня ужин есть, а для себя нету!..

Она отперла замок – ключ был снаружи вставлен в замочную скважину, здесь все так оставляли ключи, мало ли, кому-нибудь из соседей понадобится спички взять или чаю отсыпать, – и зашла в дом.

Всего в Манином распоряжении было три комнаты – одна большая, с русской печкой прямо посередине, и две поменьше, окнами в сад. В одной из них Маня спала. К дому были подведены электричество, вода и газ, что очень облегчало жизнь, хотя свет часто выключали и приходилось коротать вечера при свечах, но Мане всё нравилось.

Она кинула сумку на великолепный кожаный диван, стоявший по левую руку, – этот диван подруга Марина, хозяйка дома, привезла когда-то из своего рабочего кабинета. На нём после многочасовой встречи с читателями однажды заснул кто-то из великих, то ли Орхан Памук, то ли Харуки Мураками, и Марина диван сберегла. Маня время от времени прикладывалась на нём полежать – чтоб набраться умных мыслей и писательского мастерства. Помогало не слишком, но Маня в диван верила.

– Волька, ужин! Неси посуду!

Пес загремел миской: у них с Маней была такая игра,

как только она говорила «ужин» или «завтрак», он сразу тащил миску. Маня щедро положила собачьего паштета, сунула Вольке и вдруг поняла, что она не одна.

Кажется, Волька понял тоже, потому что напрягся и зарычал.

– Кто здесь? – спросила Маня испуганно. – Есть кто?

Тотчас ей почудились качающиеся кусты, убежавшая в лес фигура, два сухих выстрела и человек, раскинувший руки, с аккуратными дырками в спине.

Маня схватила со стола каменную штуку, держатель для бумажных полотенец. Штука была тяжёлая и холодная.

И повернулась.

За печкой явно кто-то прятался.

– Выходите! – приказала Маня. – Немедленно выходите!

Бультерьер зашёлся лаем, кинулся вперёд, и Маня бросилась за ним.

Анна Иосифовна, глава огромного издательского дома, член всевозможных книжных союзов, большой знаток и любитель литературы, умела ценить всё самое лучшее и подлинное.

В издательство покупалась удобная и дорогая мебель, на Новый год привозили живые ёлки, на Пасху заказывали настоящие куличи, а издавались исключительно талантливые, востребованные и модные авторы.

Самой яркой звездой среди них был Александр Шан-Ги-

рей, писавший под псевдонимом Алекс Лорер. Он писал мало и нерегулярно, зато каждая его книга становилась событием не только в литературном, но и во всём культурном мире. Его обсуждали, хвалили, ругали, звали в умные телевизионные программы и к модным интервьюерам в «Ютуб». Он старательно от всех прятался, но всё же время вот времени его... настигала слава, он был вынужден «рассказывать о себе», чего терпеть не мог, но Анна Иосифовна оставалась довольна: как-то сама собой соблюдалась необходимая степень открытости и тайны, самое лучшее сочетание из возможных.

На этот раз издательница пригласила своего самого драгоценного автора не для того, чтобы попенять ему на то, что он мало пишет. В данный момент её больше заботила ещё одна литературная звезда – автор детективных романов Марина Покровская, то есть Маня Поливанова.

В последнее время Анна Иосифовна, которой до всего было дело, стала замечать, что Маня ведёт себя странно: почти не бывает в Москве, перестала приезжать в издательство, где раньше страшно любила просиживать долгие часы за кофе и компьютером, мало общается со своей подругой Катей Митрофановой, по совместительству редактором.

Анна Иосифовна попыталась вызвать Маню на разговор, но та, наученная опытом жизни с Алексом Шан-Гиреем, ловко уклонялась от встречи.

Издательница спокойно выжидала, но после сегодняшнего более чем странного и тревожного телефонного звонка

поняла, что медлить больше нельзя.

И решила действовать немедленно.

– Алекс, душа моя!

Анна Иосифовна грациозно выбралась из-за стола и пошла навстречу Алексу, распахнув руки. Тот хотел было броситься наутёк, но всё же дал себя обнять.

В этом кабинете, полном антикварной мебели, дорогих безделушек и драгоценных книг, он всегда чувствовал себя неловко.

– Алекс, что такое? – Анна Иосифовна покачала головой и даже погрозила пальцем, на котором сиял гигантский изумруд, а может, сапфир. – Совсем забыли меня, старуху! Не звоните, не приезжаете!

Нужно было ответить, что никакая она не старуха, а молодая и прекрасная женщина, но Алекс этого не понял. Он вообще почти никогда не слушал, что ему говорят.

– Я занят, Анна Иосифовна, – сказал он. – Я пытаюсь писать, но у меня не получается.

Издательница посмотрела на него и вздохнула.

Как с ним можно... жить? Любить, ухаживать, терпеть? Бедная, бедная Маня!.. Впрочем, он гений, а гению можно простить всё. По крайней мере, так считается.

– Хотите кофе? С булочкой? Который час?

– Около шести.

– Как раз сейчас в буфете должны быть готовы булочки! – Анна Иосифовна вернулась за стол и нажала кнопку на пе-

реговорном устройстве: – Настенька, нам, пожалуйста, свежих булочек и кофе. Александру Павловичу, как обычно, с молоком, а мне эспрессо.

– Сейчас всё будет, Анна Иосифовна.

– Как вы поживаете, Алекс? – продолжала издательница, благожелательно рассматривая великого писателя. – Как Манечка? Я так давно её не видела!

– Я тоже.

– Что это значит? – не теряя благожелательности, весело удивилась Анна Иосифовна. – Разве вы не вместе?

– Почти нет, – сказал Алекс равнодушно. Он правда не понимал, к чему эти расспросы. – Я в Москве, а она с прошлой зимы то и дело в Питере, или вот сейчас в этом... как это называется... ну, в городе... Прошу прощения, я забыл.

– В Беловодске, – сухо подсказала Анна Иосифовна, переменив тон.

– Да-да.

Они помолчали.

Издательница прикидывала, как продолжить разговор, чтобы он имел смысл. Писатель думал о своём.

– Вы расстались? – не придумав ничего лучшего, спросила Анна Иосифовна.

– Кажется, нет.

– Алекс!

Он поднял на неё глаза.

...Господи, какие глаза!.. А ресницы! А кудри! Такие рес-

ницы и кудри должны были барышне достаться, а достались... литературному гению!

– Алекс, что происходит?

Он пожал плечами.

– Простите, Анна Иосифовна, я не понимаю, какое это к вам имеет отношение.

– Ах, боже мой, разумеется, никакого, и я не собираюсь лезть к вам в душу, просто мне важно, чтоб у моих авторов всё было хорошо. У вас всё хорошо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.